Галочки из "холодильника"

Кучел 1994 г. — 1995 — 24 апреля (№ 29) — 14

Опера

Елена ТРЕТЬЯКОВА

Коллективно шлоги оперного сезона в Санкт-Петербурге впечатляют — двенадцать премьер в четырех театрах. Марининский просто забил все мыслимые рекорды: на его счету семь спектаклей ("Тоска", "Баттерфляй", "Саломея", "Катерина Измайлова", "Аида", "Саломея", "Мавра", показанная пока только в Финляндии). Две новые работы осуществлены в "Зазеркалье": "Финист — ясный сокол" И.Роголева и "История солдата" И.Стравинского. И по одному выпуску — "Борис Годунов" и "Травиата" — в Санкт-Петербургской опере и МАЛЕГОТе. Любителям оперного искусства соскучиться не приходится...

А что же качество? Вот тут не без проблем. Начать с того, что четыре постановки/Марининки — перенос сделанного за рубежом ("Тоска", "Баттерфляй", "Аида") плюс возобновление из собственных кладовых ("Травиата"). Воскрешение на сцене спектаклей двадцати- тридцатилетней давности по медицинской терминологии называется реанимацией. Больные в таких случаях крайне редко выздоравливают полностью. Спектакль, как живой организм, тоже должен приладиться к иным условиям проката, новым исполнителям, "неродной" режиссуре, к другому времени (что самое главное). Он заново учится ходить, петь, звучать, будучи выведенным из "замороженного" состояния. Представьте, вынули вас из холодильной камеры тридцать лет спустя, окунали взглядом окружающий мир — и что? Вы здоровы и счастливы? Ну если только фактом своего существования удовлетворитесь, а дальше начинаются проблемы. Спектакли не люди, конечно. Они — произведения искусства, а шедевры вечны, скажете вы. Но нам, во-первых, привозят не шедевры. А во-вторых, то, что в театре считалось шедевром в годы 50—60-е, совсем необязательно воспринимается таковым сейчас. Значит, остается радоваться факту, а точнее — галочке на репертуарной афише: вот Верди, вот Пуччини. Но это скорее "звуковой" подход, музыкантский, не театральны. Чтобы послушать Верди — Пуччини, достаточно поставить запись с великими голосами, и наслаждаться куда больше. В театр приходят получить целостное впечатление... На сцене же перед вами уже не оригинал спектакля, а в лучшем случае копия, в худшем — подделка, словом, ложь, подмена, попытка остановить мгновение, которое в прошлом, возможно, и было прекрасным.

Мне возражает: есть мировая практика, спектакли кочуют из страны в страну... Но, может, все же не такие старые? И восстанавливают их сами авторы-постановщики? Нам же привозят декорации — оболочку, а дальше — крутятся, петербургские режиссеры, беритесь за свое ремесло и забудьте про творчество. Ведь это же не по-

становка, это приспособление или, точнее, приспособленчество. Отсюда — ни одной большой удаче за сезон, хотя оркестр, хор, солисты высокого класса, как и подбоает Марининке.

Что касается действительно новых, оригинальных версий, то и здесь все все гладко. "Соловей" в режиссуре А.Петрова — спектакль придуманный, решенный, красивый (художник В.Фирвер), но холодноватый, "Катерина Измайлова" — профессионально-академичный (режиссер И.Молюстова, художник Г.Цыпин). Все в нем вроде бы четко и правильно. На сцене огромный дом из белых досок с проемами, ворота, залпы — тюрьма. Вот только ни трагедии, ни сатиры не случилось — пронзительной остроты переживания чужого, как своего, недостает. То ли масштаб главной героини утерян, то ли образной насыщенности, обобщения не хватило, но осталась эта история в прошлом города Мценска. Хотя музыка исполняется оркестром Гергиева, как сегодняшняя, она и покоряет.

Куда более современно и целостно воспринимается "Саломея" в трактовке Дж.Теймор (художник Г.Цыпин). Героиня Л.Казарновской — почти Джульетта. Ее жажда обладания Иокананом словно вне категорий добра и зла. Она целует голову Крестителя, как в театре тени, — сквозь белый шар Луны просвечивают два слиняных профиля, будто темная сторона жизни проявилась на светлой, сослалась с ней в нерасторжимом единстве. Черное и белое для этой Саломеи неделимы, как бытие и смерть, — одно в другом, так, что невозможно различить. За последние сезоны только данная работа Марининского примыкает к вершинным завоеваниям Прокофьевского фестиваля, проведенного театром в 1991 году.

Продолжила эксперименты над классикой "Санкт-Петербург-опера". Ю.Александров, обработав "по заданию" "Баттерфляй" и "Аиду" (вместо обещанного Ф.Дзеффирелли) на Марининской сцене, позволил себе сбросить оковы гранд-спектакля и поставил камерного "Бориса Годунова" (первую редакцию). Опера М.Мусоргского явилась поводом для размышлений на злобу дня. Говорю без иронии и с полным уважением к автору спектакля, он по своему выполняет завет композитора — "к новым берегам".

Спектакль создан с редкой для Ю.Александрова концепционной волей. Все читаемо, все узнаваемо. Народ, не ведающий, что творит, в пьяном разгуле выбирающий одного правителя и тут же кидющийся к другому. Паства, внимающая проповедям политического интригана, злобного фанатика Пимена (замечательная работа В.Сельдюкова). Толпа, требующая хлеба отнюдь не у Бориса — у нас с вами. Борис (несомненная удача Э.Умерова) — одинокий среди черни и бояр в белом заоне царского терема, цепляющийся за сына, как за надежду на будущее нравственное правление, в финале сдирающий с себя царские одежды, как змеиную кожу... Государственная (то есть боярская) дума, идущая "на голоса", обсуждающая свои решения, по "партийной" традиции, ... в бане. Гюльки, как, впрочем, любые заморские представители, наблюдающие за событиями в Кремле, плетущие интриги: колечку Юродивому подбрасывают,

чтоб травил "Царя-Ирода", не от боли душевной — по наущению. Словом, не перечислить всего, что перосмыслено, переиначено, приближено к нам — иногда слишком прямо, иногда неожиданно точно. Вот если бы еще оркестр В.Афанасьева звучал не столь назойливо громко и разбалансированно...

В любом случае предвижу возражения против такого "Бориса" — и очень хорошо. По поводу оперных спектаклей у нас давно не спорят о концепциях, ибо они чаще всего отсутствуют. А тут есть о чем поспорить, хотя и не на уровне "можно" или "нельзя", скорее — по части акустики, способов воплощения намерений, некоторого пережима в сторону тенденциозности в ущерб образности. Жесткость и неуклонная последовательность постановщика часто являет обратную сторону: есть опасность заменить ассоциации аналогиями, игру — исполнением воли режиссера, что лишает спектакль воздуха, вибрации смысла, влечет его к схеме. Жалую Ю.Александрову этого избежать.

Некоторый недостаток стилистики театральности, образовавшийся в течение сезона, восполнил детский музыкальный театр "Зазеркалье". Обе работы А.Петрова — "Финист" и "История солдата" — погружают в мир откровенно условной игры в сказку. Только сказка здесь не тозовского типа с натужным весельем и сюсюканьем. Сказка — миф, очищенный смысл простого и вечного — любви, верности, поисков счастья. И средства театра просты и вечны — маски, ширмы, скамейки. Но какой простор для воображения, сколько вариаций — нет, не использования, а все той же игры с атрибутами театра! Сколько тепла, юмора, лирики... Эти два спектакля — обретение нового качества жизни "Зазеркалье", постижение более широких своих возможностей, виток спирали.

Итоги сезона, по идее, должен был венчать "Золотой софит" — присуждение высших театральных премий Санкт-Петербурга. Вручение состоялось, но превратилось в фарс (по оперным номинациям особенно). Вопреки всему изложеному выше, основные награды получил Малый оперный театр, о котором и сказать то нечего, кроме привычного негатива: банально, прямолинейно, антимузыкально. Там не менее С.Гаудасинский премирован за лучшую постановку прошлого сезона ("Сказка о царе Салтане"), а его солисты оказались лучшими во вокалу — назло мировым "звездам" Марининки. Как так случилось? ... Это надо уметь. Сначала следует самого себя выдвинуть, а потом самому же проголосовать "за" (себя и своих), предварительно обработав прочих, совершенно тайно голосящих.

По положению о конкурсах, члены жюри одновременно являлись участниками соревнования. Критики затерялись на ранних стадиях обсуждений, решения выносили о себе практики. Неплохо придумано? Зал оторопело молчал и не аплодировал, когда объявляли лучшего оперного режиссера...

Я начала с того, что коллективно итоги оперного сезона впечатляют, закончу тем, что коллективно, судя по наградам, — тоже. Только вот по художественным ли меркам?..

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ